

18+

Валерий Бронников

Мених

Валерий Бронников

Жених

«Издательские решения»

Бронников В.

Жених / В. Бронников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646762-0

Обычная деревенская девушка с неудачной попыткой первой любви встретила случайно у своей калитки незнакомого парня — эта встреча повлияла на восприятие внешнего мира, но ничего не изменила в её судьбе.

ISBN 978-5-00-646762-0

© Бронников В.
© Издательские решения

Содержание

Жених	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жених

Валерий Бронников

© Валерий Бронников, 2024

ISBN 978-5-0064-6762-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работал по своей профессии более 50 лет, автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого объединения «Вашка».

От автора:

Вначале это был рассказ, но по многочисленным просьбам читателей пришлось работу над рассказом продолжить. Ничего необычного в повести нет: обычная деревенская девушка с неудачной попыткой первой любви встретила случайно у своей калитки незнакомого парня – эта встреча повлияла на восприятие ей внешнего мира, но ничего не изменила в её судьбе.

С уважением к читателям: Валерий Бронников.

Жених

– Анька, што сидишь, развесивши буфера? Али делать нечего? Иди, покорми ребёнка! – крикнула Анна Фёдоровна.

Её дочь Анна сидела на табуретке посреди большой комнаты в потёртом домашнем халате в какой-то неприличной позе, словно верхом на гнедом коне. Со стороны действительно могло показаться, что она не обращала на себя никакого внимания, чтобы выглядеть как-то немного женственней и приличней. Но дома сейчас, кроме её и матери, да ещё ребёнка в другой комнате, никого не было. Хотя, надо отметить, красоты Анне не занимать! Она и в домашнем халате выглядела царевной, этакой деревенской некрасовской женщиной – кровь с молоком! Слегка естественно румянившиеся щёки на свежем закалённом привольном воздухе лица делали её неотразимой для тех, кто понимал красоту и в ней разбирался. Она знала эту свою особенность, но не гордилась и не зазнавалась, а всегда была простой в общении и открытой, как чистая книга.

Вытащив из едва прикрывавшего её халата огромную безразмерную грудь, глядя на которую, казалось, что оболочка вот-вот лопнет и содержимое брызнет во все стороны, Анна последовала в соседнюю комнату. Мать послушаться она не посмела, хотя ей сейчас больше всего хотелось посидеть и, замкнувшись в себе, помечтать и удалиться куда-то в неизвестную даль от мирских дел, от ребёнка и вообще ото всего, что мешало ей наладить свою жизнь.

Анна Фёдоровна зашла в комнату следом. Так уж получилось, что её дочь назвали в честь её самой и теперь в доме проживали две Анны.

– Зачем своего разгильдяя отпустила к этой шалаве? Какой-никакой, а был бы в доме мужик, – продолжала поучать Анна Фёдоровна, – И откуда такие прохвосты берутся? Не успел одного ребёнка смастерить, а уже метит присоседиться к другой, такой же дурёхе!

– Он не прохвост, – возразила Анна.

– А не прохвост, так что же он не возле тебя?

– Я его люблю! – сказала тихо Анна, – И он меня тоже. А сейчас, как он сказал, ему надо отвлечься и подумать.

– От кого отвлечься? От тебя? От ребёнка? – засыпала дочь вопросами Анна Фёдоровна, – Каким местом он думает? Вместо того, чтобы, как положено, жениться и воспитывать детей, он скачет, как ретивый конь. Ты-то, вообще, сама о чём думала? Прежде, чем заводить детей, надо с матерью посоветоваться, – продолжала ворчать Анна Фёдоровна.

– И попросить постоять рядом... – добавила, рассердившись, Анна.

Этот бесконечный, надоевший Анне разговор, Анна Фёдоровна заводила далеко не в первый раз и продолжала говорить одно и то же по привычке, как заигранная пластинка, считая своим долгом воспитывать давно уже взрослую дочь.

– А ты не огрызайся, а слушай, что тебе говорит мать!

Между тем Анна, покормив ребёнка, склонилась над кроватью, укладывая его на пелёнку. Поскольку грудь она так и не удосужилась спрятать, девочка уцепилась за неё вместо игрушки, вцепившись своими коготками.

– Рано тебе ещё изучать окрестности! – сказала ей Анна и ловким движением спрятала грудь в халат.

– Обед закончен, – сказала она неизвестно кому, – Можно идти гулять, заодно и сама прогуляюсь.

– Ты приоденся, – сказала на всякий случай Анна Фёдоровна, – Не ходи так. А я пока заверну малышку.

– А кто меня видит! – возразила Анна, – Только выйду, все женихи и так побросают работу и скопятся возле меня. Вот только мне их не надо! Мне нужен один, такой, как Федька!

– Где он твой Федька? За очередным подолом ухлёстывает, скоро во сне его будешь звать! – сказала недовольно Анна Фёдоровна.

– Ну и пусть ухлёстывает, мы и без него погуляем. Он тоже погуляет и придёт, не может не прийти.

– Ну-ну, надейся и жди. Оптимизма тебе не занимать, – Анна Фёдоровна, пока дочь одевалась, приготовила малышку к прогулке.

Она вынесла её ко крыльцу и положила в коляску.

Федька Пряхин оболтус и лодырь слыл в деревне красавцем. Своей внешностью он притягивал женщин, как магнитом. Не надо ни к кому подбирать ключи и утруждаться. Попалась на его кудрявую внешность в своё время и Аня. Это потом приходит осознание всего происходящего, а в первый момент видна только внешность и больше ничего. А эта высокая белокурая кудрявая внешность пользовалась своим неотразимым преимуществом перед конкурентами, которых имелось далеко не в избытке.

– Не торопись, не вырони ребёнка! – напутствовала Анна Фёдоровна, когда Аня повела коляску к калитке.

А у калитки она нос к носу столкнулась с незнакомым мужиком. Деревенских ребят она всех знала, а этого в костюме и галстук, который совсем не гармонировал с его небритым обличьем, не знала совсем. Она хотела прошмыгнуть мимо, но колесо коляски, как назло, юркнуло в щель между досками и никак не хотело оттуда вылезать. Помощь просить она не собиралась, не из таких передраг выходила победителем, имея кроме красоты и недюжинную силу.

– Вам помочь? – спросил мужик.

– Обойдусь, – грубо ответила она, не желая вступать в переговоры.

Мужик не сдавался. Он зачем-то снял кепку, почесал темя и снова её одел, а потом спросил:

– Не знаете ли случайно кто тут сдаёт угол? Я тут никого не знаю, спрашиваю у всех подряд.

– И что?

Мужик не понял, что она спросила, но Аня добавила:

– Много углов нашли?

– Пока ни одного.

Колесо коляски никак не вылезало из щели. Мужик спросил:

– Может, я всё-таки помогу?

Аня подвинулась в сторонку, не выпуская из руки дужку у коляски. Только теперь она внимательно посмотрела на мужика. «Так себе», – сделала она вывод, – «Не высокий, не низкий, какой-то средний и невзрачный, а ещё небритый».

– В угол поселишь семью, детей, а потом и весь дом оттяпаешь! – сказала она.

– Чего? – не понял мужик.

– Я насчёт попить, когда хочется сильно есть и переночевать тоже негде.

Колесо выскочило из щели как-то легко и быстро.

Вдруг Аня сунула коляску в руки мужику и сказала, как отрезала:

– Кати...

Мужик от растерянности покатил коляску.

– Я решила, что угол ты начнёшь отрабатывать прямо сейчас. У меня муж строгий, дармоедов не любит, а небольшой угол в избе найти можно.

– Куда катить? – спросил мужик.

– А так и кати – прямо, посреди улицы, а я буду за тебя держаться. Пусть все видят, что ты работаешь.

– А муж?

– Муж тоже должен всё видеть, чтобы не подумал случайно на плохое. Он будет очень рад, что ему помогают выполнять хозяйственные проблемы.

Так они и пошли. Аня захватила мужчину под руку и немного прижалась к его плечу. Возможно, прижалась, больше, чем требовали правила приличия, но в этом сейчас была острая необходимость. Она успела краем глаза увидеть любопытные глаза из окон домов. «Пусть смотрят», – злорадно подумала она, – «Пусть видят, что у меня есть свой заботливый ухажёр или муж – это будет зависеть от фантазии любопытных».

Её мысли прервал вопрос попутчика:

– А Вы не обманете, место для ночлега мне будет?

– Вопросы задавать рано, – ответила Аня, – Вы ещё ничего не заработали. Гулять с ребёнком надо два часа.

– Я стараюсь, но как-то не совсем удобно.

– Что? С ребёнком гулять неудобно?

– Нет, не в этом дело. Что подумают Ваши знакомые и муж...

– Об этом Вам как раз беспокоиться не следует. У нас так гуляют все: чей муж свободен с тем и гуляют.

– Странно...

– Ничего странного нет. Муж зарабатывает деньги, а гулять мне что, одной прикажете? Это как раз будет некрасиво: оставить женщину одну посреди улицы с ребёнком.

– Я не оставлю, мне даже нравится гулять с ребёнком.

– И я о том же, гуляешь не только с ребёнком, но и с самой красивой женщиной.

Попутчик, засмутившись, умолк. Время гуляния незаметно подходило к финишу. Аня понимала, что случайный человек, возможно, с дороги; возможно, ему надо умыться, поесть и отдохнуть. Да мало ли какие имеются проблемы! Может, он больной и ему надо принять лекарства. Она даже покосилась на своего попутчика, но тут же отбросила эту мысль, как недостойную к существованию. «Нет, на больного он не похож! Хотя больными бывают старые и молодые, знакомые и незнакомые, красивые и замухрышки», – она опять взглянула на попутчика, – «На замухрышку он тоже не похож, прилично одет, вежлив и не старый».

– А Вы и в самом деле красивая женщина, – после некоторого молчания произнёс попутчик, – Меня звать Олег.

– А красоту звать Аня, – с гордостью произнесла Анна, польщённая комплиментом, – Мы пришли обратно к дому, заходите, место или, как Вы говорите, «угол», Вам выделим.

– Спасибо! – ответил Олег, размышляя, как он будет объясняться с мужем Анны.

В доме Олег увидел только пожилую женщину.

– Мама, возьми дитё у Олега, – сказала Анна, – Олег у нас пока поживёт, надо его накормить и дать ему отдохнуть, он целый день катал коляску.

Анна Фёдоровна, увидев незнакомого человека, от изумления потеряла дар речи, выполняя указания дочери, но ничего не спрашивая и не возражая.

Аня быстро сняла верхнюю одежду, сказав матери:

– Сейчас я его покормлю.

Анна Фёдоровна не поняла к кому это относилось, к гостю или к ребёнку, но Аня стала доставать по привычке из домашнего любимого халата свою грудь. Она быстро спохватилась, остановив процедуру и смутившись перед гостем.

– Мама, ты согрей чай, а я покормлю мальчика. Вы снимайте свою куртку и располагайтесь, туалет там, – махнула она рукой и юркнула в другую комнату.

Оставшись наедине с собой, Олег совсем растерялся, не зная, что делать. Он начал объяснять Анне Фёдоровне почему он здесь, но она его остановила:

– Вы мойте руки и садитесь за стол, а объяснять, если в этом есть необходимость, будете Анне, а мне всё равно, кто Вы такой. Вы пришли с Анной, а дочери я доверяю.

– Она говорит, что у неё строгий муж.

Только теперь Анна Фёдоровна внимательно посмотрела на гостя, но опровергать слова дочери не спешила. «Сами разберутся», – подумала она.

– Она сказала Вас накормить, значит, садитесь и не разговаривайте.

– Я ненадолго, – счёл нужным через некоторое время пояснить Олег, но Анна, уже вышедшая из комнаты, возмутилась:

– Как это ненадолго? А кто будет гулять с ребёнком!?

– Я, то есть..., я не это хотел сказать, то есть, – совсем засмутился Олег.

– Я так и подумала, – сказала Анна, перейдя на «ты», – Будешь гулять с ним каждый день два часа – это и будет плата за проживание. Если захочешь, можешь попутно прогулять и меня.

Олег, отвечая на вопрос, даже привстал со стула, а теперь сел, обречённо думая, что влип в какую-то историю, ему пока совсем непонятную, но плата за проживание его воодушевила, он ответил:

– Такой договор меня устраивает, – и спросил:

– А муж?

– Его пока нет дома, значит, пока ты и будешь временно мужем без выполнения супружеских обязанностей. Что-то приколотить и приладить, у нас такая работа в доме имеется, в свободное время этим можно заниматься. У тебя бывает свободное время?

– Иногда бывает. Я приехал утрясти некоторые дела, закончу с ними и освобожу вам жилплощадь.

– Ну, утрясай... Мы мешать не будем. С ребёнком я могу погулять и сама.

Олег глядел на Анну не в силах отвести взгляд. Она вышла наряженная, какая-то свежая и румяная. «С неё бы писать картины!» – подумал он, а ещё: «Знает ли она о своей красоте?»

– Когда покушаешь, оставь всё, я приберу. Потом можешь заниматься своими делами, – промолвила Анна.

– Сегодня дел у меня нет.

– Дела, если нужны, мы найдём, но сначала отдохни и осмотри ближайшие окрестности. Спать будешь в большой комнате на диване, мама в детской, а я на печке, как в детстве.

– Может, я на печке?

– Нет, упадёшь с печки, что я потом буду делать с инвалидом? Выплачивать страховку?

Встав из-за стола, Олег сказал:

– Определите мне работу, буду отрабатывать проживание.

В этот вечер работа Олега не покидала. Оказалось, что объектов, где требовались мужские руки, очень много. Он попросил рабочую куртку, если таковая в доме найдётся.

– А штаны у меня есть, джинсы, в портфеле, – сказал он. Ему дали и куртку, и штаны, и допотопный инструмент, который явно выглядел не инструментом хозяина, а скорее хозяйки. Пришлось сначала затачивать ножи, топор, отвёртки; выпрямлять имеющиеся, бывшие в употреблении, гвозди, а уже потом заниматься непосредственно работой.

За работой его и застал зашедший в калитку мужчина. Он поздоровался и пошёл в дом, но зайти не успел, на крыльцо вышла Аня:

– У нас все дома, – сказала она, – Зачем пришёл?

А ещё она подумала, что быстро же слух дошёл до любимого, раз он так, как ретивый конь, примчался.

– Я к тебе, что и в дом непустишь?

– Сейчас не пушу. Твоё место занято, свободная должность мужа тоже, а гостей мы сейчас не ждём, много работы. Если у тебя дело какое, говори здесь.

– Хотел повидаться.

– Повидался, посмотрел и иди, не мешай работать. Сейчас и в самом деле не до тебя, приводим хозяйство в порядок.

– А завтра?

– А завтра я тоже буду занята. Мы с Олегом пойдём гулять, а потом опять будем работать.

– Кто такой Олег?

– А тебе не всё равно. Кто бы он ни был, он мне помогает по хозяйству и здесь живёт, а сейчас я пойду его кормить, в общем, я занята. Если у тебя больше нет вопросов, оставь нас в покое.

Во время их разговора Олег повернулся к ним спиной и делал вид, что чужие дела его не интересуют. Сейчас он перекалывал большие поленья дров на маленькие, удобные для топки печи. Эта работа на редкость хорошо у него получалась, как будто он всю жизнь занимался колкой дров.

Анна сошла с крыльца и проводила Фёдора до калитки.

– Так я потом зайду? – спросил он, прощаясь.

– Нет, не заходи, у нас много дел. Проведал, посмотрел и иди. Мне и в самом деле надо заниматься делами.

Анна повернулась и, не оглядываясь, пошла от калитки прочь.

– Олег, хватит работать, пойдём ужинать, – на ходу сказала она своему работнику.

Ужин прошёл почти в полном молчании. Уставшего Олега клонило в сон и разговаривать ему не хотелось, а женщины тактично не донимали его вопросами.

После ужина Аня сказала:

– Диван в твоём распоряжении, хочешь, сразу ложись, а хочешь, читай, смотри телевизор или мечтай. Работу за сегодняшнее проживание ты даже перевыполнил.

– Я стараюсь отработать проживание, а с ребёнком буду гулять бесплатно – эта работа мне по душе.

Утром Олег ушёл. Аня долго смотрела ему вслед и ей казалось, что дом осиротел и стал каким-то неуютным. Она не понимала это ощущение, не осознавала произошедших изменений, но ей сейчас чего-то не хватало, исчезла частичка чего-то такого, что она никак не могла объяснить. «Буду ждать», – сказала она сама себе, боясь признаться, что этот незнакомый человек стал ей близким и родным, – «Он должен прийти, обещал же он гулять с ребёнком!»

Аня переделала все мелкие домашние дела, но время почему-то остановилось и не желало продвигаться вперёд. Анна Фёдоровна сказала:

– Он придёт, сильно ты ему понравилась!

Аня покраснела от того, что мать подслушала её мысли.

– У тебя на лице всё написано! – пояснила Анна Фёдоровна, – Я не вмешиваюсь, решать тебе, но похоже ты его совсем пока не знаешь.

– Мама, он может уйти и не прийти!

– А я думаю, некуда ему от тебя идти, а как Бог распорядится, только он это и знает! Готовь лучше хороший обед. Я не знаю, какие у него тут дела, но в любом случае ему надо где-то обедать, думаю, он придёт сюда.

Аня засуетилась, теперь она знала, чем заняться и что надо делать. Она сняла свой замурзанный халат и оделась, как на конкурс красоты, спрятав прилично свою выпирающую грудь. В таком одеянии она и принялась готовить обеденный стол, повязав на скорую руку фартук. А ещё, глянув в зеркало, она определила, что ни с лицом, ни с причёской ничего делать не надо – красоты ей не занимать! «Намажусь, а вдруг ему это не понравится?» – подумала она, – «Он видел, что я красива без всяких липовых прикрас!»

Олег пришёл.

– Можно я у вас попою чайку? – спросил он, – Я пока не знаю, где в вашей деревне можно пообедать.

– Чай у нас бесплатно, – сказала Аня, – Я готовлюсь гулять, поэтому оделась, – почему-то решила она оправдаться, – Сначала тебя покормлю.

– Хорошо. Прогулки я обещал, поэтому в счёт обеда пойду гулять, а чаю выпью.

– Я не могу ребёнка с тобой оставить, придётся меня брать с собой, – сказала Аня.

– С тобой ещё лучше, веселее.

– Но обедать придётся, – категорично сказала Аня, наливая суп, от которого, судя по запаху, невозможно было отказаться.

Олег принялся за еду, а Анна ушла к ребёнку, где Анна Фёдоровна уже всюю руководила приготовлениями к прогулке.

Так они опять и ушли вдвоём под руку на удивление любопытным оконным зрителям. Олег всё время посматривал на часы. Анна сказала:

– Если спешишь, иди по своим делам, а вечером приходи, я буду ждать.

– Как-то непривычно, что меня кто-то будет ждать. Если не возражаешь, я сейчас уйду, обед у меня закончился, – ответил Олег.

– Иди, я догуляю одна.

– Ты не одна – вдвоём, а я приду – будем троём.

Аня на него посмотрела, но ничего больше не сказала.

Олег удалялся, а Анна смотрела ему вслед, прислушиваясь к зарождающемуся внутри неё самой новому чувству.

Олег ушёл на работу и снова наступили серые будни, разбавляемые мелкими домашними разговорами. Вот и сейчас Анна Фёдоровна попыталась своим авторитетом надавить на дочь:

– Анька, прости, Господи, пошто малец корку хлеба заместо сиськи сосёт? Ты совсем от женихов рехнулась! Сколь можно учить? Сиськи не для женихов предназначены, а для кормления дитя, вот и корми! Ходишь, словно кикимора, вышедшая из болота! Что я не вижу штоли, что в окно так и зыркаешь, так и смотришь-высматриваешь. Мужика завела, так надо прибирать к рукам, а не выслеживать каждый евоный шаг. Я и сама знаю, что Олег хороший, но он не твой, не можешь, как следует, приголубить...

– Мама, он всё равно уедет! Он здесь в командировке и этого не скрывает. У него и в мыслях нет заводить семью с чужим ребёнком! Он не говорит, но я-то знаю, чувствую!

– Сколько тебя учить окаянную! Федьку отвадила, этого не пригрела, а дальше-то што думаешь? Они у тебя так все разбегутся к своим законным жёнам и останешься при бубях. Уж я-то знаю!

– Насколько я знаю, у тебя муж был один. Откуда же тебе про всё знать? Сейчас и времена другие, и женихи другие. Олег мне нравится, но он не мой и жить здесь не собирается. Да я и не хочу влезать к нему в душу и менять его планы! Поживёт пока у нас, а там, как Бог даст, так и будет!

– Ну-ну, так и будешь одна маяться, да ещё с ребёнком. Я и смотрю, вначале прихорашивалась, а ныне ходишь, как старая баба-Яга на босу ногу. Олег – мужик, он хоть и вежливый, но глазам после работы нужен отдых. Одним супом он сыт не будет.

– Мама, он сам сказал, что в халате я ему нравлюсь больше, выгляжу домашней и вообще... Не хочу ничего объяснять, как-нибудь сами разберёмся.

– Разбейтесь..., уж и сказать ничё нельзя, каки-то вы обидчивы неумехи. Ребёнка заводить знаете, а как жить – совсем бестолковы. Мы раньше работали по двенадцать часов и на свиданку успевали до петухов и опять робили, не спавши. И мужики были каки-то крепки и нетребовательны. Ну, бывает, выпьют по стакану на каждый глаз, дак што, мы и не замечали. Мужик, он и есть мужик, его надо прибирать к рукам и не роптать, не показывать свой норов и несогласие. Он тогда и будет шёлковый, от него много и не требуется, пусть сидит себе где-нибудь в уголку. Налей ему стопку, накорми. Ни одна баба не скажет, што семья без мужика, што проворонила и не приголубила, оттого и сбежал к другой. Не-е-т, в этом я разбираюсь, а вас молодых надо учить уму-разуму, штоб хвостом не вертели, а мужиков любили, как положено. Да што вам говорить....

Анна Фёдоровна внезапно умолкла, запас слов иссяк, а дочь больше не возражала. Она взяла ребёнка на руки, сунула ему в рот соску и смотрела, как он кряхтит и чмокает довольный жизнью, довольный тем, что слышит знакомые голоса, чувствует родное тепло и благополучие в своей маленькой жизни. Дитё снова пыталось маленькими ручонками обхватить соску, но её безразмерный объём не поддавался маленьким ручонкам, которые больно царапали ноготками кожу.

– Не твоё, руками не трогай! – сердито сказала Аня, – Ешь и отваливай. Мне ещё одного голодного надо кормить, скоро придёт на обед. А ты немного отдохни, потом пойдём гулять, там и поспишь.

Аня больше мать не слушала, она давно привыкла к наставлениям и все разговоры об одном и том же она знала наизусть. В одном мать была права: мужа у неё, как не было, так и нет. Федьку она почему-то больше не могла видеть, вся его сущность вызывала у ней какое-то чувство брезгливости, то ли от его постоянных гуляний, то ли сказывалось предательство, нежелание признавать своего ребёнка, хотя к ней он с появлением Олега проявлял явное неравнодушие и внимательность.

Анна, вопреки причудам Олега, послушалась мать и, положив ребёнка, стала прихорашиваться, оглядывая себя в зеркало и одеваясь, как на именины. Едва она успела закончить процедуру, как появился Олег.

– Ты куда-то пошла? – спросил он.

– А куда я могу пойти? – ответила она вопросом на вопрос, – У нас всё строго по расписанию, подошло время гулять.

– Ну, тогда я и раздеваться не буду.

– Нет, так дело не пойдёт. Сначала я тебя накормлю, а потом сам решишь, идти с нами или нет. Иди мой руки и за стол! Федьку случайно не встретил?

– Я в чужие дела не лезу, но его поблизости не видел.

Слово «чужие» резануло Ане слух, но она никак на это не отреагировала, понимая, что трудно определить, кто свой, а кто чужой, а Олег, сказав так, прав, хоть и сказал обидно.

– Я спросила только потому, что раньше он меня так часто не навещал, а ныне вертится возле ворот, будто привязанный, не обращай внимания.

– Я и не обращаю, моя задача вас прогулять, я её выполню, что бы не случилось. Не вижу что-то Анны Фёдоровны.

– Она наверно прилегла отдохнуть, пол дня крутилась по хозяйству.

Больше Аня Олега не отвлекала от обеда, но и не уходила, ненавязчиво слегка, будто невзначай, к нему прикасаясь, собирая для мытья посуду и подавая очередное блюдо.

Отобедав, Олег взял на руки ребёнка и понёс к коляске на улицу. Аня шла следом, освобождённая от этой повседневной работы. Олег покатил коляску, а девушка взяла его под руку и сильно прижалась, будто боясь его утратить.

– А знаешь, – заговорил Олег, – Я все дела закончил, мне надо ехать.

– Так быстро? – отстранилась от него Аня и заглянула в глаза.

– Не быстро. Я и не рассчитывал здесь долго задерживаться, получилось даже дольше запланированного.

– Ладно, это я так, как-то неожиданно, – смутилась Анна, – Стала почему-то привыкать, что ты нас каждый день прогуливаешь.

– Да и я как-то по привычке, раньше тоже ездил в командировки, но жил в гостиницах всухомятку, а тут живу, как у Христа за пазухой, почти, как семейный.

– Что тебе мешает жить и дальше так? – не удержалась и спросила Анна.

– Ты же знаешь – работа, я не могу бросить свою работу и жить здесь безработным. Давай не продолжать эту тему, – предложил Олег.

– Давай, я спросила просто так.

– А за жильё я заплачу, независимо от твоего желания. Я мужчина и не могу жить за счёт женщин. Заработок у меня хороший, а вам хоть какое-то в доме подспорье и не возражай!

– Тогда я тебя при прощании обниму и ты тоже не возражай. Ты наверно заметил, что за нами уже из окон не подсматривают, привыкли. Люди здесь хорошие, но любопытные, особенно быстро узнают, кто с кем гуляет и где бывают.

– Наверно это везде так, тема всем интересная и не умирающая.

– Наверно.

Они замолчали. Внезапно закончилась тема, а к новой приступать не хотелось. Им и так было не скучно. Девочка мирно спала в коляске, чувствуя присутствие только знакомых людей. Аня уже без стеснения прижалась плотно к Олегу, не обращая никакого внимания на ближайшее окружение и не интересуясь, подсматривают за ними или нет. В эту минуту её больше никто не интересовал и не было никакого дела до отца ребёнка. Она стала как-то незаметно для себя осознавать, что Фёдор случайный в её жизни человек, которого совершенно не интересуется их жизнь, их желания, их будущее, их защита, не было у них никакой любви и вряд ли будет, а раз так, значит, от обузы лучше избавиться сейчас, пока ребёнок маленький и ничего не понимает. Решение это пришло внезапно и прочно в ней осело. А себя она знает, решила, значит, так и будет. Вперёд как-то не загадывалось, как получится, так и получится.

Они незаметно очутились снова у калитки.

– Я побежал, – сообщил Олег, – Сегодня с меня теребят по деревенскому обычаю отвальное. Не бойся, дома я буянить не буду.

– Я и не боюсь, на чрезвычайную ситуацию у нас с мамой имеются средства защиты.

– Опасные вы люди, а я и не знал, – пошутил Олег.

Когда Олег ушёл, Анна сказала матери, что он уезжает.

– Как уезжает? – опешила Анна Фёдоровна, – Так внезапно...

– Не внезапно, у него закончилась командировка, надо ехать.

– Вы наверно так и не поговорили?

– Мы сегодня поговорим, ты только нам не мешай, не надо торопить события. Мы сами во всём разберёмся, а Федьку я больше в дом не пушу.

– Ну-ну, – только и произнесла Анна Фёдоровна, – Ты взрослая, сама и решай.

Олег пришёл поздно. Аня спать не ложилась, всё его поджидала, а, когда уже устала ждать, всё равно не легла. Анна Фёдоровна, услышав приход постояльца, тоже вышла, чтобы его покормить.

– Вы не волнуйтесь, я сыт, – сказал Олег.

Аня учуяла исходящий от него запах спиртного.

– И где так хорошо кормят? – спросила она.

– Коммерческая тайна, – пошутил Олег, не велено разглашать.

– А мы только управились, ещё не ложились.

– Я лягу тихо, не буду мешать, – сообщил Олег.

– Ложись, только есть одна закавыка, сегодня не топлена печь, кирпичи холодные. Оставь мне край дивана, я буду вставать к ребёнку, – Аня сказала это специально при матери, чтобы она не обнаружила это случайно ночью.

– Я могу освободить весь диван, – смутился Олег.

– Весь не надо, только край.

Олег больше не разговаривал, он быстро разделся и лёг. Он не спал и слышал, как через некоторое время Анна тихо забралась под одеяло. Анна Фёдоровна ушла в свою комнату и больше не показывалась.

– Я обещала тебя обнять, – прошептала Аня, повернувшись к нему, – Сделаю это прямо сейчас.

Её дрожащие руки обвилились вокруг шеи Олега.

Утром Аня встала раньше всех и стала готовить завтрак, решив по деревенскому обычаю вскипятить самовар. Анна Фёдоровна поднялась почти сразу следом за ней. Олег сладко спал на боку богатырским сном после вчерашнего отвального.

Когда он проснулся, самовар постепенно остывал, умиротворяюще урча на остывающих углях с заварным чайничком на макушке. Женщины всю хлопотали по дому. Аня собиралась кормить малышку. Увидев, что Олег проснулся, она примостилась с ребёнком на краю дивана, достала огромную грудь и стала малышку кормить, не смущаясь и не обращая ни на кого внимания. Олег вынужден был хитроумно выползть, чтобы одеться и перейти к утренним процедурам.

– Опохмелиться тебе не дам, как хочешь, – сказала ему Аня, – А чаем напою из самовара по деревенской традиции для отъезжающих. Перенеси его на стол – это работа мужская. Если нет опыта, не трогай, потом перенесу сама.

– Как же нет опыта, я всю жизнь только эти и занимался, – возмутился Олег.

Чай пили молча. Никому разговаривать не хотелось, каждый думал о своём, но все об одном и том же, что придётся расставаться и снова привыкать к той жизни, к которой привыкли до встречи.

После прощания Олег, рассчитавшись за жильё с Аней, быстро ушёл, чтобы не беречь никому душу и не затягивать этот и без того тягостный процесс.

Где-то во дворах лаяли от безделья собаки. Доносился приглушённый звук дизельной электростанции. Притихшая с утра природа затаилась в тишине и безветрии.

Анна Фёдоровна блефовала, когда сказала дочери, что раньше всё было прилично, дружно и по-семейному, без всяких лишних гуляний, разводов и неурядиц. Откуда ей, лишившейся рано родителей и жившей в голодные послевоенные годы, было знать, что такое счастье, как надо правильно жить и как содержать семейный очаг? Работала она в поле, не покладая рук, по двенадцать часов вместе с такими же оперившимися после семилетней школы неумеями без какого-либо опыта и знания законов жизни. Все были одинаково молодыми, неопытными и, можно сказать, несчастными, вкусившими рано все прелести взрослой жизни и бесконечной работы.

Разве что Анна Фёдоровна, а тогда просто Анька, немного отличалась от подруг своей статью и красотой даже в потёртой рабочей фуфайке.

Идеологические партийные клерки требовали от полуграмотной молодёжи высоких результатов работы, нажимая на построение социализма и светлого будущего при коммунизме, объясняя молодёжи высокие цели партии, коммунистическое сознание, моральные устои, не забывая при этом о себе, чтоб вкусно есть, сладко спать и сильно не утруждаться.

Молодёжь свято верила в светлое будущее и побаивалась что-либо нарушить и быть в числе отстающих, а после вступления в комсомол уже никто не мог ослушаться и не пытался увильнуть от работы.

Аня жила и работала, как все, сильно уставая, не жалуясь на трудности, лишения и невзгоды. Какая уж тут любовь или стремление обзавестись семьёй? Казалось, что об этом никто не думает, но это только казалось так со стороны. Молодёжь любую свободную минутку посвящала развлечениям, посиделкам, танцулькам, обсуждением женихов и невест, несмотря на смертельную усталость и отсутствие свободного времени.

Аня нашла свою половинку. Да и как было не найти, если была пусть не самой красивой, но способной привлечь внимание мужчин. Тракторист Василий тоже не обошёл её своим вниманием и как-то незаметно они стали новой семьёй, а, став семьёй, стали задумываться и о своём жильё. Повезло, что Василий оказался в жизни и старше, и опытнее, приобретя плотничьи знания в своей семье. Он и взялся за строительство своего дома, а друзья-товарищи обещали помочь, кто своим трудом, кто материалами.

Ухаживаний, как таковых, не случилось. Они потянулись друг к другу без всяких лишних церемоний и клятв в вечной любви – это и стало главным в их жизни: понимание и привязанность. Аня, получив должность бригадира, стала незаметно Анной Фёдоровной, а Василий день и ночь пропадал на работе и на своей стройке, исхудал, выбивался из сил, но делал всё, чтобы дом от земли поднимался. Муж выглядел так, что казалось, ветер дунет и он, как одуванчик, улетит. Помогал трактор, легально им пользоваться не разрешалось из-за строгого учёта солярки, но разве нет правил без исключений? Рядом стоять и контролировать никто не будет, а злые языки пока ему не мешали. Если кто-то что-то и видел, помалкивали, не желая обижать хорошего молчаливого человека, всегда приходящего на помощь, если что-то надо подвезти или перетащить.

Дом вырос, а Анна Фёдоровна неожиданно забеременела. Они хоть и старались оттянуть это событие до завершения строительства, но это случилось несколько раньше. Анна Фёдоровна не знала, как сказать это мужу, вечно занятому и не имеющему времени для праздных разговоров. Она сказала. Василий, как видно, ждал эту новость, он обнял жену, прижал к себе и тихо сказал:

– Аня, значит, заживём в новом доме всей семьёй!

Не получилось. Через полгода Василий погиб, его переехал собственный трактор. Никто не знает, как это случилось, но по слухам, он что-то делал под трактором и попросил случайного парня залезть в кабину и ему помочь. Парень что-то сделал не так, отчего трактор тронулся с места и Василия переехал. Смерть оказалась мгновенной. Следствие разбиралось, но ничего не могло придумать, как списать всё на несчастный случай.

Для Анны Фёдоровны эта весть стала непоправимым ударом. Она сразу как-то постарела, осунулась и больше не выглядела красавицей, продолжала ходить на работу, что-то делать по дому, но уже без всяких творческих порывов, по инерции, вынужденно, понимая, что ребёнок всё равно появится и к этому надо готовиться.

Дочь Аня появилась на свет и сразу наполнила пустой дом своим криком, какой-то суетой со смотринами, подарками, советами «знающих». Подруги и коллеги были частыми гостями, но только сейчас, с появлением Анны, дом наполнился жизнью. Анна Фёдоровна не стала ничего менять, Василий хотел назвать дочь Анной – так и случилось. Почему-то разговор у них шёл всё время о дочери, а не о сыне, как это принято в других семьях, но это остаётся тайной и загадкой семьи. Теперь у Анны Фёдоровны и вовсе не стало свободного времени, приходилось работать и растить дочь. Хорошо, что люди всё время помогали, где-то понянчиться, где-то что-то сделать по хозяйству. Анна Фёдоровна не оставалась одинокой и заброшенной, пока дочь не подросла.

И вот она выросла. Тоска по мужу у Анны Фёдоровны постепенно улеглась, но новый муж не завёлся, как это бывает у многих людей, потерявших свою половинку. Она все свои силы отдавала тому, чтобы вырастить дочь, выучить, а дальше сделать так, чтобы было всё, как у людей.

«Как у людей» не очень получалось. Дочь стала взрослой и самостоятельной, сама влюбилась, а может ей так казалось, в Фёдку, не спрашивая совета у матери, и как-то быстро обзавелась ребёнком, тоже девочкой. А Фёдка, пристроившись к Ане, жениться и не думал. Друзья-товарищи советовали не торопиться и вволю погулять. А с появлением ребёнка Фёдка и вовсе расстроился – это в его планы не входило.

После отъезда Олега Фёдка снова пришёл:

– Аня, может, нам следует создать семью? – спросил он от крыльца, поскольку в дом его девушка не пустила.

– У меня есть семья, а вторую мне не надо, – ответила Аня, – И вообще: зачем мне лишняя обуза в виде непутёвого мужа.

– Дочь не только твоя, но и моя!

– Кто тебе такое сказал? У меня никогда твоей дочери не было и быть не может! Гуляй себе и не заморачивайся, никто тебя не обременяет.

– А жилец ваш уехал, он сюда больше не вернётся. Нам же хорошо было, зачем всё разрушать?

– Кто тебе такое сказал? Тебе может и было хорошо, а мне не очень, а теперь, когда я встретила настоящего мужчину, который не гнушается гулять с чужим ребёнком, ты и вовсе не нужен.

– Но его же нет!

– Для тебя его нет и меня для тебя тоже нет, иди и не мешай заниматься делами, – Аня повернулась и ушла в дом, оставив Фёдора в растерянности во дворе.

Федька не уходил, он думал. До его ума никак не доходило, как такое могло случиться: всё шло хорошо, очень для него удобно и вдруг всё разом оборвалось. Он почему-то стал осознавать, что сейчас на самом деле он один. Все, с кем он гулял и общался, совсем не его друзья, а просто знакомые люди, случайно подвернувшиеся под руку в удобный момент, паразитирующие на общем празднике жизни без каких-либо забот и обязательств, а случайные женщины или замужем, или совсем ничьи из-за своего чрезмерного общения и ему они тоже оказались в конечном итоге не нужны. Аня совсем не такая, какая-то серьёзная, хоть и красивая. К ней, он знал, бывает трудно и подступить, если она сама того не захочет. До этого приезжего проходимца она Федькой не гнушалась, а теперь её словно подменили. Он почему-то сейчас вспомнил о её красоте, божественной фигуре и других достоинствах, которых раньше как-то не замечал, зная, что она и так будет с ним. Злость на Олега возрастала и превращалась в нечто непреодолимое, мешающее ему жить и распоряжаться, как раньше, своим временем по своему усмотрению. Он бы наверно так и окаменел от злости, если бы его не окликнули от калитки:

– Чего застыл, как непрошенный гость? В дом не пускают или ты ещё не дошёл? – этот голос заставил его встряхнуться и очутиться в реальности.

Фёдор увидел себя, стоящим посреди двора, калитку и возле неё своего знакомого Костяна.

– В дом мне не надо, а ты чего тут делаешь?

– В субботний день, что хочу, то и делаю, дай рубль или угости, трубы горят, мочи нет, на моё счастье, тебя и увидел.

– Я твоё счастье? – огрызнулся Фёдор.

– Получается так: что бы я без тебя делал?

Фёдор подумал: «Может, он и кстати, надо отвлечься, всё обдумать, а уж потом решать, как жить дальше».

Аня из окна видела, как Федька сначала стоял, как чурбан, а потом ушёл со своим закадычным товарищем в неизвестном направлении, хотя направление-то как раз и было известно.

Анна Фёдоровна больше молчала, боясь навредить дочери. «Пусть разбирается со своими женихами сама. Сама ими обзавелась, самой и разбираться. Жалко только ребёнок растёт без отца. Сейчас он маленький и несмышлёный, но отца всё равно должен видеть и узнавать, а, когда подрастёт, тогда поздно будет приучать к отцу, тем более девочку».

– Аня, ты Федьку непустила или он сам не зашёл? – спросила мать на всякий случай.

– Я же сказала, что нечего ему тут делать. Он и сейчас ушёл с «другом», у них другие дела, а ребёнок ему не нужен совсем. Лучше пусть дочь растёт без отца, чем иметь такого, как Федька.

– Ты мне говорила, что его любишь, – тихо проговорила мать.

– Любила да разлюбила. Я сама решу, кого мне любить.

– Прости, Господи, не дай Бог, останешься одна, как я.

– Я не одна, – сказала Аня, пристраивая дочь к груди, – И ты не одна, у тебя есть я, а теперь ещё и она. Она тоже будет Аней. Как-нибудь не запутаемся!

– И ты тоже по стопам родителей метишь. Мне всё одно, как назовёшь. Твоё дитё ты и называй. Мне, конечно, ребёнок в радость на старости.

– Какая же у тебя старость? Ты ещё и жениха можешь себе подыскать, я возражать не буду. Какой-никакой, а будет папа.

– Этого я и боюсь. Лучше без папы, чем связаться с каким-нибудь прохиндеем вроде твоего Федьки, немощным и бестолковым. Есть мужики, гвоздя прибить не могут или без бутылки вообще ничего не делают. Мой Вася был хороший, такого больше нет.

– Ладно, мама, не расстраивайся, это я так, пришлось к слову, обидеть тебя вовсе не хотела.

Аня положила дочь на диван, забыв, или по привычке, не спрятав грудь. Маленькая Аня тут же за неё уцепилась, пытаясь пододвинуть к себе. Игрушки её интересовали мало, любимой игрушкой являлась грудь, когда она её видела и каждый раз пыталась притянуть её к себе.

Хоть и простилась Анна с Олегом, в душе всё равно тянулась к нему и на что-то надеялась. Так уж наверно устроен человек, что тянется к добру, чему-то хорошему, а порой и несбыточному. Деревенская сарафанная почта донесла, что красивый жених приезжал в местный аэропорт, там же зафиксированы сведения, что он авиационный инженер. Местный аэропорт не отличался сильно ничем от других подобных в центре России, где бездорожье, грязь и спокойный неторопливый уклад жизни, в отличие от больших городов и столицы. Но если столицу в расчёт не брать, то центр получается как раз среди болот и маленьких деревень.

Обычным рейсом в обычный день прилетел самолёт, но пилоты на этот раз вышли очень быстро и стали рассматривать переднюю часть самолёта. Спустя некоторое время они сообщили и причину столь внимательного осмотра. Перед самой посадкой на кабину пилотов то ли напала, то случайно пыталась атаковать большая птица, вероятно, со свалки, над которой пролетали перед посадкой.

– Она летела мне прямо в глаз! – сообщил командир самолёта, – Но видели мы её мгновение, поэтому рассмотреть не имели никакой возможности и не поняли, куда она делась, поэтому и стали осматривать самолёт, не наделала ли она какой беды. Доложить я был обязан, поэтому мы тут ненадолго застряли в ожидании инженера.

Этим инженером и оказался Олег, приехавший для осмотра самолёта.

Аня ничего этого не знала, находясь дома с ребёнком, поэтому и встреча с незнакомым человеком оказалась неожиданной.

Олег всё осмотрел и дал положительное заключение к продолжению рейса. Работа его закончилась, а, следовательно, и пребывание в населённом пункте тоже. Была ли птица на самом деле, он не знал. Следов её пребывания он не обнаружил, но и не верить экипажу у него не имелось никаких оснований. Осталось только предположить, что птица обогнула поверхность по законам аэродинамики, не касаясь обшивки. Если бы она столкнулась с поверхностью самолёта, беды было бы не избежать, тогда бы и командировка инженера затянулась на неопределённый срок.

Аня некоторые подробности узнала от соседей, прогуливая в очередной раз ребёнка. Олег про работу ей ничего не рассказал, а, может, не успел рассказать, придерживаясь правила: если не спрашивают, лучше помолчать. А про работу он вообще не любил распространяться. Пассажирам нет смысла знать о каких-то мешающих птицах, неблагоприятной погоде или законах аэродинамики. Им достаточно знать о наличии мест и времени вылета по расписанию.

– Анна, ты опять витаешь в облаках! – это Анна Фёдоровна отвлекла её от размышлений, – Так и будешь стоять перед ребёнком с голой грудью, скоко я буду кричать тебе, чтоб приводила себя в порядок, покормила – ослобони её, пусть отдохнёт. Надо протопить печь, сходить в магазин, прибраться, занимайся этим, а я пока с ней посижу. Нечего думать о женихах, ежели они от тебя сбегают. В наши годы они все вертелись у ног, а ныне и женихи-то какито

недотёпы, всё норовят улизнуть, не могут девку приласкать и облапать. Им и дитё-то не натъ. Твоему Фёдке вообще ничё не натъ!

– Мама, он не мой! – воскликнула Аня, сообразив, что мать опять потянуло на философию о женихах и надо срочно уходить, чтобы не слушать то, что слышала много раз.

– Этот не твой, тот не твой, а где он твой-то? Куды их ноне прячут? Не с Марса же выписывать или с какой-ля летающей тарелки!

– Мне никого не надо, чтоб топтал здесь жилплощадь и занимался гулянкой.

Аня лукавила. Ей очень хотелось внимания, общения, ухаживаний. «Разве с матерью поговоришь обо всём? В хозяйстве она непререкаемый авторитет, а что касается личной жизни, тут уже она не помощник и не советчик», – так думала Аня, хотя по поводу Фёдки Пряхина мать оказалась права: непутёвый и никчемный мужик. Compliments и ухаживания Аня приняла за любовь, которой на проверку не оказалось, остался только на её попечении ребёнок – результат заведомо известный и предсказуемый. Аня хотела ребёнка, семью, любящего мужа, но на сей день, кроме ребёнка, больше ничего не оказалось.

– Ищут, ищут, не могут себя пристроить, – продолжала мать, – Детей заведут, а чьи дети и сами не знают, не ведают. Кака тут радость родителям? Никакой!

Аня оделась и направилась к выходу, чтобы не слушать очередную лекцию.

– Я в магазин, – сообщила она, – Печку истоплю позднее.

Оставшись одна, она опять предалась грустным мыслям. Анна, хоть и сопротивлялась, но мать была права: у дочери из всего придуманного счастья остался только ребёнок, которого надо растить, кормить и обучать, и это до конца своих дней. А будут ли какие перемены, об этом ведаёт только тот, кто находится выше человека и его сиюминутных интересов. Да Аня и не уверена полностью, что готова к каким-либо переменам. Она жила с матерью, где в доме отсутствовал мужчина. Отца своего она не помнит. Как должна выглядеть семья с мужчиной в доме, представлялось смутно. Они с матерью привыкли решать свои проблемы сами, хоть иногда и спорили, и не всегда соглашались друг с другом. Взять того же Фёдку Пряхина, по его персоне они всегда спорили и имели своё мнение, хоть мать и не настаивала на разрыве их отношений, она предоставляла дочери право решать самой и устраивать свою судьбу. А в результате опыт и прожитые годы матери одерживали почти всегда верх. Мать никогда не красилась, и Анна переняла у неё эту традицию, считая, что намазывать на себя невесть что, дело совершенно никчёмное и пустое, а красоты ей и так не занимать, да и красоваться особо не перед кем. Она шла задумавшись, поэтому не сразу заметила, что за ней наблюдают, а, когда заметила, поёжилась. Оказалось, что идти одной под пристальными взглядами не очень приятно

Она не сразу, но сообразила причину этих взглядов. Народ уже привык, что прогуливалась она не одна, а сейчас шла одна, вот и привлекла неодобрительные взгляды сторонников Фёдки Пряхина. Новый жених, как появился, так и исчез, оставив для людей тему для новых обсуждений. Даже собаки, знавшие всех деревенских, сейчас её облаяли, будто проявляя своё неодобрительное отношение.

Анна, просвечиваемая взглядами, как рентгеном, быстро юркнула в открытые двери магазина.

Она знала, что, скрывшись от взглядов, не скрылась от обсуждений за своей спиной.

В магазине «уроботавшийся» мужик развлекал очередь:

– Меня вся округа знает! Кто не знает Васю Цыгана? Вы не знаете?

– Знаем, знаем... – сообщили из очереди.

– То-то, Цыгана все знают! Поэтому я и прошу в долг и без очереди.

– Ты проси у жены без очереди и в долг, – посоветовал кто-то сердобольный, – А тут в долг не дают, здесь магазин и дают здесь за деньги.

Василий пришёл почему-то в одной калоше на босую ногу и в одном носке на другой ноге – этого он сам не замечал. Его потёртая замурзанная одежонка, выдавшая виды, не вызывала привлекательности и одобрения. Небритое и опухшее лицо извещало о том, что праздник у него продолжается не первый день. Васю знали и знали то, что он, когда не пьёт, работает и работает неплохо, выдавая характер покладистый и безвредный. Губит его спиртное, к которому он равнодушен и не в силах отказаться, когда предлагают.

– Дай рубль! – сразу спросил он, увидев вошедшую Анну.

– Здесь людей много, разве не у кого больше попросить? – ответила Анна, – Я не подаю, не работаю и, следовательно, не зарабатываю.

– А в магазин ходишь! Значит, у тебя деньги есть. Женихи есть, значит, деньги тоже есть, дай рубль, – не отступал Василий.

– Иди, проспись, потом проси, а сейчас отстань, – грубо сказала Анна, которой Василий уже надоел.

– Мне надо сейчас, может, я на тебе женюсь, а ты пожалела рубля, – не отступал Василий, – Я прошу ласково и вежливо, проверяю твой характер на жадность!

В очереди кто-то засмеялся такому повороту.

– Иди, проверяй в другом месте, чего пристал? Нет у меня лишнего рубля, отстань и не приставай! – Анна не знала, как отвязаться от пристававшего человека, которого вообще знала плохо.

Василий обиделся и отвернулся, а Анна заметила, что на неё смотрят неодобрительно и она понимала, что причина этих взглядов кроется в другом. Причина – её ребёнок, у которого нет отца. Как бы там ни было, а выражения «безотцовщина», «нагуляла», «ветренная женщина» и многие другие относятся ныне непосредственно к ней и от этого никуда не деться, к этому надо привыкать и к своему новому положению матери-одиночки тоже.

Анна, отвязавшись от Василия, стояла в очереди, стараясь не смотреть по сторонам и не привлекать к себе внимания.

Обратно она шла также под контролем односельчан. «Хоть на улицу не выходи!» – подумала Анна. Но выходить надо и гулять с ребёнком тоже надо. От этих взглядов никуда не деться и никуда не скрыться.

Дома печка уже топилась. Анна одела дочку, уложила в коляску и пошла гулять, стараясь не встречаться в упор с одинокими прохожими, чтобы не отвечать на неудобные вопросы.

Жизнь в деревне Забиякино шла своим чередом. Каждый занимался своим делом, своими заботами и никому особенно не хотелось заниматься проблемами чужой семьи, а свои любопытные взгляды жители быстро забывали, как забывают какие-то несущественные мгновения своей жизни и жизни других людей. Жизнь и состоит из каких-либо эпизодов или мгновений, о которых люди в большинстве своём не помнят, а если и помнят, то быстро забывают, занимаясь другими делами и заботами. Аня устроилась в одну из многочисленных контор на работу на должность секретаря-курьера на полставки. Работа четыре часа в день её вполне устраивала. Мать согласилась это время сидеть с её дочкой, пока девочка не устроена в детское учреждение. Какой-никакой, а теперь у Ани имелся свой коллектив на работе, где её признавали за свою, не сторонились и не смотрели осуждающе. Работа не обременяла. Разнося бумажки, Аня успевала заглядывать домой, проводить семью и выполнять мелкие дела, особенно те, которые имелись в попутном направлении. На комплименты новых знакомых мужчин и недвусмысленные взгляды она не обращала никакого внимания. Таких, как Олег, коллег не водилось, а другие её не интересовали. Детство прошло, а вместе с детством стали исчезать алые паруса, беззаветная любовь, высокие идеалы и, наоборот, больше появлялись земные повседневные дела и разные мелкие проблемы.

Примерно через месяц у них во дворе появился Олег. Ани не было дома, а мать не сразу признала в расхаживающем по двору мужике Олега. Она вышла на крыльцо, чтобы спросить, что тут понадобилось постороннему человеку. А, когда он сказал:

– Разве Вы не помните, я Олег.

Анна Фёдоровна вообще потеряла дар речи. Она смотрела на мужика и не могла произнести ни слова.

– Я пришёл поколоть дров, – сказал Олег, – А Ани дома нет?

Только сейчас Анна Фёдоровна сумела произнести:

– Она на работе, скоро придёт. А дрова и топор, сам знаешь, где лежат.

Больше она не могла говорить и скрылась в доме, чтобы по телефону сообщить Анне о прибытии гостя.

В этот раз Олег был не в командировке. Какая-то комиссия в этот день летела в Забиякино почти на весь день и самолёт должен был её ждать. Олег и пристроился с самолётом, чтобы повидать Анну, которая почему-то не выходила у него из головы. Он сам себя убеждал, что встреча была случайной, что вместе они не смогут быть, живя в разных населённых пунктах. Чем он больше себя убеждал, тем больше об Ане думал. А сейчас самолёт будто специально подвернулся ему для поездки. Олег больше не раздумывал и сам напросился к экипажу полететь с ними. Его охотно взяли, думая, что лишний специалист не помешает.

Аня примчалась быстро. Не успел Олег расколоть несколько чурок, как Анна появилась в калитке. Олег повернулся к калитке, держа в опущенной руке колун. Аня подошла и, не удержавшись, его обняла.

– Я как раз хотела кого-нибудь нанять, чтобы наколоть дров. Те, которые ты приготовил, закончились.

– Зачем же нанимать. Я сам знаю, что закончились, поэтому и приехал.

– Ты надолго?

– Нет, я сегодня обратно.

– Тогда всё бросай, пойдём пить чай, а потом гулять. Прогулку с ребёнком никто не отменял.

– Как-то неудобно.

– Что неудобно? Прогулять ребёнка неудобно?

– Нет, вообще. Я же приехал всего на один день.

– Поэтому удобно погулять, а в другой раз, если приедешь не на день, можно переделать лишние мужские дела. Пойдём пить чай!

– Здесь экипаж самолёта, они тоже хотят чаю.

– Зови, вода у нас не покупная.

Они зашли в дом, Олег позвонил в аэропорт. Ему ответили, что экипаж уже пообедал в буфете.

У Анны Фёдоровны стол оказался накрыт и согрет чайник. Кроме чая, стол ломился от холодных закусок.

– Вы пейте чай, а я посижу с ребёнком, – сказала Анна Фёдоровна и удалилась.

Разговор не клеился, поэтому пили чай молча.

Анна сказала:

– Я устроилась на работу, четыре часа в сутки работаю.

– И как работа?

– Ничего, не обременяет, но надо распределять время, чтобы его на всё хватало.

– У тебя, кроме сна, ещё полсутки времени.

– Его не хватает. Дрова колотые закончились, печку не топим, правда, она не очень и нужна сейчас, разве что сварить.

– А женихи не помогают?

– Какие теперь женихи? Все обходят стороной, кому охота прогуливать ребёнка.

– Что-то твоё настроение мне не понравилось.

– Нет, всё нормально.

Попив чаю, Олег встал из-за стола и сказал:

– Докладываю: к прогулке готов!

– Ой, я и забыла, что у тебя мало времени, я быстро, – Аня засуетилась, но Анна Фёдоровна дочку к прогулке уже подготовила.

Вскоре семья вышла за калитку. Аня в этот раз шла с гордо поднятой головой, держа Олега под руку и к нему прижимаясь.

«Пусть теперь смотрят», – злобно и мысленно сказала девушка неизвестно кому. Её мысли никто не подслушивал, но ей очень уж хотелось, чтобы её увидели вместе с Олегом, гуляющими под руку.

Аэродром располагался не так уж и далеко, всего в каком-то километре от крайних домов. Олег предложил:

– Давай прогуляемся до самолёта. Я уточню, когда у нас вылет, хоть и предупредил экипаж и дал ваш домашний телефон, но всё равно боюсь прогулять вылет.

– Так даже лучше, и погуляем, и проверим твой самолёт, чтобы не сбежал.

– У меня сейчас, кроме гуляния, никаких дел нет.

– А кто же будет меня охранять и беспокоиться?

– Я и буду, только эти дела не в тягость, а в радость, если, конечно, тебя не смущает моё присутствие. Я вижу, как на нас смотрят, ничего не говорят, но смотрят очень красноречиво, как будто я пытаюсь тебя украсть из Забиякино.

– А ты разве не хочешь меня украсть?

– Я ещё не разобрался, какие у вас тут традиции: невест воруют, покупают или выращивают из пелёнок, но может случиться и так, что находят в капусте. Надо сначала изучить местные обычаи и традиции, – отшутился Олег, – Опять же Фёдора придётся отстранять от должности твоего опекуна, если серьёзно, не простые это вопросы, а я пока нахожусь в тридесяти царстве. Сильно наверно торопиться не надо, мне надо решить некоторые вопросы. А ты работу не прогуляешь?

– Нет, сегодня по случаю твоего прибытия меня с работы отпустили. Приезд важной персоны у нас поощряется отгулом, а это время я наверстаю в другие дни. Твой аэропорт уже рядом.

– Аэропорт пока не мой, ты немножко подожди, я забегу и спрошу о времени вылета.

Олег вернулся очень быстро и сообщил:

– У меня есть не менее часа, я успею проводить вас до дому.

– Тогда поворачиваем обратно, толкай коляску, а я буду тебя держать, чтобы случайно не упал.

– За поддержку спасибо – это зачтётся в твою пользу, что не бросаешь инвалида посреди улицы одного.

– Ты инвалид?

– А как же! Все мы немного инвалиды, иждивенцы, алкоголики, тунеядцы и прочие, смотря с какой стороны рассматривать. Если человек любит, он не замечает недостатки, невинные шалости, какие-либо привычки, а уж если невлюбил – всё вылезает наружу, все героические поступки кажутся бредом, хулиганством или, того хуже, посягательством или домогательством – это кому, как понравится – всё зависит от воспитания и среды обитания.

– Да ты философ!

– Нет, я пока только учусь. Я с тобой гулял, отрабатывая проживание, сегодня мы просто гуляем, без каких-либо обязательств, а что будет в следующий раз, никому не известно. Так наверно жизнь устроена, что люди находят друг друга и остаются вместе на всю жизнь или

друг друга теряют, расходятся, придумывают причины, чтобы расстаться, придумав перед этим несуществующие алые паруса. Реальность далека от книжных романов. В реальности люди проводят большую часть своей жизни на работе, зарабатывая порой только на существование. Выходные наступят и вместе с ними вспоминается гора незавершённых повседневных домашних дел. Все думают, что у них-то уж будет не так, но, к сожалению, у всех, за редким исключением, на самом деле всё одно и то же. Бывает захватывающая интересная работа, но ради неё люди бросают свою семью или, наоборот, скверная работа и неудавшаяся жизнь слабого человека затягивают в запой и оставляют вообще безо всего. Всё это вокруг нас, стоит только присмотреться – вот и вся философия! Я наверно тебя утомил?

– Нет, даже интересно, я никогда не слышала такого рассуждения о жизни.

– Я просто наблюдательный и вижу, что вокруг происходит. Заходишь, например, в сельский магазин, а там нет покупателей, одна скучающая продавщица. Немножко поразмыслить и вырисовывается картина: скучает она или работает за прилавком восемь часов в день и так много дней и лет. Жизнь-то и проходит вся помимо её, а когда выйдет на пенсию, окажется, что остались только болезни, старость, выросшие и разбегавшиеся дети – вот и вся тут философия и алые паруса. Ты только не обижайся, я своё мнение не навязываю, поддерживаю возникший разговор, а могу просто помолчать для приличия.

– Нет, нет, рассказывай, даже интересно, но мы уже пришли. Зайдёшь?

– Нет, пойду обратно, но, если ты не против, заеду как-нибудь ещё.

– Как же я могу быть против, если ты дров не наколот!

– Справедливое замечание.

– У калитки я обнимать не буду, все смотрят, иди, спасибо, что нас прогулял!

– Эта работа стала уже обязанностью – прогулять две красивых Ани.

– Я красивая?

– Ты очень красивая и у тебя есть преимущество: ты не мажешься. Только не спрашивай больше ничего, иначе я опять начну философствовать. До свидания.

Олег зашагал от калитки в направлении аэропорта, а Ане вновь стало одиноко, она стояла у калитки и смотрела ему в след. Правильно он всё сказал: опять наступали будни, одиночество, неизвестность и повседневные дела и заботы.

Маленькая Аня проснулась, слегка ворочалась, но на судьбу пока не жаловалась.

– Потерпи, сейчас я тебя накормлю, сначала дойдём до крыльца и зайдём в дом. Хорошо, что пока не можешь говорить и не спрашиваешь, куда делся папа.

– Ушёл? – спросила Анна Фёдоровна, когда они зашли в дом.

– Ему улетать, боится опоздать на рейс, – ответила Аня.

– Я и грю, пошто не можешь найти мужика, штоб был под руками, того отвадила, энтот сам уехал, беда с вами, с молодью, Господи помилуй, каки-то нехристи, чему в школе учили?

– Мама! Этому в школе не учат, этому учат родители, а ещё говорят, что партия наш рулевой, значит, и партия тоже должна учить.

– Нарулишь, девка, всем скопом не расхлебать! Боюсь я, как бы што не натворили! Войну пережили, голод, а ныне опять сплошны переживания.

– А ты не бойся, сказала – сама разберусь, значит, разберусь.

– Уже разобралась, девка-то растёт без отца!

Почувствовав, что разговор перешёл в обычное русло, Аня ушла в комнату кормить дочь.

Через несколько дней в дом неожиданно постучался гость. Аня находилась на работе, дверь открыла Анна Фёдоровна.

– Мне нужна Аня, – сказал мужчина.

Анна Фёдоровна, не удостоив сразу гостя ответом, его оглядела, пытаясь понять, кто он есть и что ему надо. Мужчина выглядел обычным для молодого возраста, хорошо одет, при галстукe, симпатичен и вежливо разговаривает, волосы светлые, слегка вьющиеся, нос немного

с горбинкой, но лицо не портил, глаза простые и не хитростные. Всё это Анна Фёдоровна оценила буквально за пару секунд.

– Её нет, она на работе. А Вы кто и что Вам от неё надо?

– Извините, я зашёл по поручению Олега, он сам пока приехать не может, передал Ане привет.

– Можешь сходить к ней на работу, – перешла на «ты» Анна Фёдоровна и объяснила, как дочь найти, – Если не найдёшь, зайди позднее, она скоро придёт.

– Спасибо, я пойду, – сказал мужчина и направился к калитке.

Олег Аню не забывал, но не мог никак снова к ней выбраться из-за своей занятости. Вадим Коврижных подошёл к нему сам.

– Я знаю, что в Забиякино у тебя невеста. Я еду туда в командировку, могу, если хочешь, передать от тебя привет или подарок.

– Привет можешь передать, она пока не невеста, а просто знакомая. Ты надолго?

– Надолго, ты же знаешь, что я аэродромщик, а там надо реанимировать аэродром. Не боишься, что влюблюсь в твою знакомую?

– Нисколько. Её право сделать свой выбор. Привет передай, а я пока не знаю, когда смогу туда выбраться. У неё, если голова есть на плечах, она в такого, как ты не влюбится.

– В какого такого? – обиделся Вадим.

– Не обижайся – это шутка. Аня у меня на верёвочку не привязана. Я немножко помогал по хозяйству и жил у них несколько дней. Аня живёт с матерью и ребёнком.

– Ладно, при случае приглашу её в кино или на танцы, расскажу о тебе, чтобы ей было не скучно. Я там пока никого не знаю, она будет первым знакомым человеком.

Этот разговор состоялся перед самой поездкой Вадима. Он и не помышлял воровать чужих невест, но свою временную жизнь в командировке с чего-то надо начинать, знакомиться с людьми так или иначе всё равно придётся. «Лучше начать со знакомой знакомого», – подумал Вадим, – «Подскажут что, где и как, а на работе познакомлюсь с коллегами, обещали пристроить в общежитие».

Вадим решил сходить к Ане на работу, пока не приступил к своим обязанностям и есть свободное время. По ориентирам, указанным Анной Фёдоровной, Аню он отыскал очень быстро.

– Я заскочил передать привет от Олега, – сообщил Вадим, – Меня зовут Вадим Коврижных, я временно буду здесь жить.

– Спасибо! Привет – хорошо, но сам-то он собирается приехать? – спросила Аня.

– Этого я не знаю, но могу оказать помощь в хозяйстве, если потребуется, пока нет Олега.

– Живём пока без помощников, но, если что, обращусь. Вы меня как нашли?

– Зашёл по адресу, указанному Олегом, женщина мне объяснила, где найти.

– Женщина – моя мама, очень строгая, я удивляюсь, что незнакомому человеку она сказала, как меня найти.

– Наверно понравился и внушаю доверие.

– Получит от меня взыскание, мне посторонние люди доверия не внушают.

– Какой же я посторонний! Я знакомый Олега, значит, не посторонний.

– Вы меня извините, мне надо идти.

– Мы ещё увидимся? – спросил Вадим.

– Зачем? – искренне удивилась Анна.

– Мало ли что! Со мной можно сходить в кино или на танцы, можно просто поговорить, если будет скучно, а можно вечером посмотреть на звёзды. Мало ли, какая необходимость возникнет! Передать привет – это всего лишь попутное поручение.

– Я приму к сведению, что в Забиякино появился специалист по звёздам, – сказала Аня и пошла собираться с работы домой, не оглянувшись, на застывшего разговорчивого посетителя.

Для Ани этот посетитель действительно свалился, как снег на голову. Она и не помышляла, что кто-то может привезти весть от Олега, значит, он её не забыл и о ней думает – это сразу как-то подняло настроение.

Домой она пришла в хорошем настроении.

– К тебе приходил молодой человек, – сообщила Анна Фёдоровна.

– Он ко мне заходил, – ответила Аня, – Зря ты посторонних ко мне посылаешь! – на всякий случай сделала Аня матери замечание.

– Мне-ка откуль знать, посторонний он, али какой ля новый хлыст, – почему-то рассердившись, перешла на свой язык Анна Фёдоровна, – Шляются тут всякие, Федька твой тоже мимо окон проходил.

– Федька давно не мой!

– А кто твой-от, поди сама вся запуталась. Девка без отца растёт, вырастет – будет, как ты, женихов менять, тогда и вспомнишь мать, когда станешь старой, как я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.